

УДК 94(420).06

Дата поступления (Submitted) 15.07.2019

Дата принятия к печати (Accepted) 11.09.2019

LEONID VLADIMIROVICH SIDORENKO

*Ph.D. in History, Associate Professor,
Department of Modern and Contemporary History,
Saint Petersburg State University.
199034, Russian Federation, St. Petersburg, Universitetskaya Emb., 7/9.
E-mail: l.sidorenko@spbu.ru*

The problem of Tory counter-revolution in the first decades after the Glorious Revolution

The article examines the evolution of the Tory faction from the Glorious Revolution of 1688–1689 till the Hanoverian succession in 1714 in the context of the analysis of its counter-revolution through the threat to the revolutionary regime. The author examines the ideology of the Tory faction before and after the revolution, its connection with the High Church movement, the tactics of political struggle against Whigs and the system of relations with post-revolutionary monarchs William III and Anne. The article concludes that the Tories could not agree with the methodology of the change of Royal power, remaining faithful to the traditional ideas of the divine right of kings, in which they were supported by representatives of the High Church. Although this ensured the well-known counter-revolution of the Tories, they never became open Jacobites, remaining part of the political system that emerged as a result of the Glorious Revolution, which allows us to consider the counter-revolution of the Tories only as element of their political struggle in the post-revolutionary reality.

Keywords: *The Glorious Revolution, counter-revolution, Tories, Whigs, Jacobites, the Hanoverian succession, the divine right of kings, nonresistance theory, passive obedience.*

ЛЕОНИД ВЛАДИМИРОВИЧ СИДОРЕНКО

*Кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории Нового и новейшего времени,
Санкт-Петербургский государственный университет.
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.
Тел.: +7 (812) 363-60-00 (доб. 6408), e-mail: l.sidorenko@spbu.ru*

В статье исследуется эволюция фракции тори от Славной революции 1688–1689 гг. до Ганноверского престолонаследия 1714 г. в контексте анализа ее контрреволюционности через угрозу революционному режиму. Автор рассматривает идеологию торийской фракции до и после революции, ее связь с движением высокой церкви, тактику политической борьбы с вигами и систему взаимоотношений с постреволюционными монархами Вильгельмом III и Анной. В статье делается вывод, что тори не приняли методологию смены королевской власти, оставшись верными своим традиционным идеям божественного права королей, в чем их поддержали представители высокой церкви. Хотя это обеспечило известную контрреволюционность тори, они так и не стали открытыми якобитами, оставшись в той политической системе, которая сложилась в результате Славной революции, что позволяет считать контрреволюционность тори лишь вынужденным элементом политической борьбы в постреволюционной реальности.

Ключевые слова: *Славная революция, контрреволюция, тори, виги, якобитизм, ганноверское престолонаследие, божественное право королей, теория непротivления власти, пассивное послушание.*

Проблема контрреволюционности фракции тори в первые десятилетия после Славной революции*

Семнадцатое столетие, метко обозначенное историком К. Хиллом как «век революции», характеризуется долгой политической нестабильностью, порожденной острым конфликтом

между короной и земельным джентри, в результате разрешения которого последнее усилило свою позицию, в то время как корона, наоборот, ослабла, после чего основная политическая борьба переместилась

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

в среду самой земельной элиты, разделенной на две группировки – вигов и тори [1, р. 121–122]. При этом исследователям необходимо проявлять гибкость в понимании этих терминов. Безусловно, современники, как и историки, придавали им определенное значение, однако не всегда ясно, что они реально означали. Отсюда возникает необходимость в определении их смыслового контекста [2, р. 295]. Если под партией иметь в виду, по словам Б. Дизраэли, «организованное мнение», в этом случае виги и тори могут вести отсчет по факту, но не по названию, с ранних Стюартов. Если к «организованному мнению» добавить установившиеся принципы, то их появление следует датировать эпохой реставрации; если брать за основу постоянную политику, временем их рождения является правление Анны [3, р. 14]. Но в любом случае появление в английском парламенте прообразов будущих политических партий, оформленных в виде аристократических фракций, использующих влияние при дворе в качестве одного из ключевых инструментов текущей политики, стало частью эволюции политической системы Англии в XVIII в. [4, с. 103].

Одним из важнейших рубежей в становлении классической партийной системы Англии стала Славная революция 1688–1689 гг., долго считавшаяся в историографии вигским триумфом. Хотя многие современные историки не разделяют эту точку зрения, признается, что группировка тори оказалась в сравнительно худшем положении, так как смена власти монарха заставила их пересматривать в изменившейся обстановке свои традиционные принципы. Для многих вигов тори стали носителями контрреволюционного начала, не такими открытыми, как якобиты, но не менее опасными. Вплоть до начала правления Ганноверской династии в стране шла острая межпартийная борьба, основанная на разной интерпретации Славной революции. Целью предлагаемой статьи является исследование эволюции торийской фракции от Славной революции до Ганноверского престолонаследия и анализ степени ее контрреволюционности и угрозы революционному режиму.

Оценивая развитие торийской группировки после Славной революции, необходимо отметить ее хорошие дореволюционные позиции, закрепленные близостью к монархам реставрации – Карлу II и Якову II. Время после исключительного кризиса можно назвать периодом своеобразной торийской реакции и усиления королевской власти [5, р. 4]. Однако историк Т. Харрис не считает этот поворот 1680-х гг. в английской политике консервативным, приведшим к попытке установления абсолютизма, сорванной в результате Славной революции. По его мнению, в то время тори имели реальную народную поддержку, апеллируя к страхам широких масс о росте влияния папства и вероятного из-за этого установления тираничного правления [6, р. 581]. Но вскоре после занятия трона младшим братом Карла II гармония во взаимоотношениях тори и монархической власти оказалась нарушенной.

Оценивая Якова II, отдельные исследователи обращают внимание на антиклерикальную модель его правления, подразумевавшую подавление не только папского господства (католицизм без папы в стиле Людовика XIV, на которого ориентировался английский монарх), но и влияния прелатов. Но эта модель оказалась едва совместима с торийским видением церкви и монархии [7, р. 152]. Яков не смог понять, что тори являлись лишь партнерами короны с условной лояльностью, ожидавшими от короля понимания пределов его действий в качестве суверена. Якову же они виделись носителями принципов безусловного подчинения и слепой лояльности, проповедуемой англиканской церковью [8, р. 42]. Из-за этого к 1686 г. тори отошли от поддержки монарха в его политике религиозной терпимости, что заставило короля искать иных союзников, которыми могли стать радикальные виги, поддерживавшие идею веротерпимости [9, р. 32]. Сохраняя в целом приверженность монархическим идеалам, зимой 1686–1687 гг. тори отошли от поддержки конкретного носителя короны из-за его религиозной политики.

Сам Яков достаточно быстро осознал, что католиков в стране было недостаточно для поддержки его мер по отмене репрессивного религиозного законодательства, учитывая, что церковь и тори не одобрили его инициатив. Поэтому помимо придворных элементов и узкого слоя католиков, почти все его сторонники происходили из секций вигов, одобрявших стремление к веротерпимости из-за их желания улучшить положение диссентеров. Но поддержка короля среди диссентеров оказалась очень ограниченной и слабой из-за их выжидательной позиции [10, р. 65–66]. В итоге, утратив поддержку общества и элиты, Яков II оказался свергнут с престола в ходе Славной революции и заменен на приглашенного из Нидерландов мужа его дочери – статхаудера Вильгельма Оранского.

Славную революцию традиционно видят как победу парламента над монархией, а в партийной перспективе – победу вигов над тори. «Билль о правах» 1689 г. как важнейший конституционно-правовой документ итогов революции зафиксировал смену идейного основания монархии, когда король получил власть не от Бога, а по договору с представительным органом, что означало и постепенную смену партийных принципов с верховенства короля (торизм) на верховенство парламента (вигизм) [11, с. 78–79]. Однако такой взгляд оправдан лишь в ретроспективе, так как в реальности принятие революции ее современниками было вынужденным и условным. Среди них не наблюдалось массового обращения в сторонники вигской доктрины парламентского суверенитета, ставшей универсальной только в умах вигских пропагандистов [12, р. 193]. На деле революционное устройство обернулось новым витком межфракционной борьбы, порожденной как идейными разногласиями, так и политикой нового суверена.

После того как Вильгельм Оранский был приглашен в Англию, а затем избран ее королем, его сторонники оказались заинтересованы в отстаива-

нии своего, правильного, с их точки зрения, видения революционной политики. Начавшаяся институционализация политических различий в партиях и общественных практиках означала, что, независимо от стремления короля к единству или его попыток прийти к беспартийному правлению, он не мог обеспечить всеобщую преданность своей фигуре [13, р. 372–373]. Хотя виги и тори объединились, чтобы привести Вильгельма Оранского на трон, они имели разное отношение к революции и к новому королю. Так верность тори оказалась под сомнением из-за их идейных колебаний между их давней приверженности доктрине пассивного послушания и непринятием практик республиканизма. Поэтому Вильгельм III имел причины как доверять, так и не доверять тори, стремясь уравновесить членами обеих партий важные государственные должности, что позволило тори сохранить высокие посты с предыдущего правления [14, р. 35]. В какой-то мере это было вынужденным поведением, так как Оранский был непопулярен среди вигов из-за своей неготовности полностью подчинить им свою политику. Тори со своей стороны были недовольны иноземным происхождением нового короля, его кальвинистской религией, дорогой внешней политикой, долгой войной с Францией, терпимостью к диссидентам и построением чуждой им системы кредита, основанной на вновь созданном банке Англии [1, р. 126].

В отношении с партийными группами Оранский применял стратегию, не позволявшую загнать ни одну из сторон в угол, как это происходило ранее и нередко приводило к росту радикальных настроений в среде обделенной фракции. При Вильгельме III это было исключено: монарх прислушивался к обеим сторонам, демонстрируя оппозиционным партиям шансы на мирное возвращение к власти, что должно было исключить насилие с их стороны [15, р. 117]. Однако этот подход короля осложнялся наличием дифференциации внутри партийной системы, которая делилась на группы дворцовых вигов, виги страны, дворцовых тори и тори страны. Эти партии также назывались официальными вигами, старыми вигами, умеренными тори, высокими тори; отдельно можно обозначить и пятую партию, ассоциируемую с последними – якобитов. Например, старые виги дистанцировались от их со товарищей в правительстве, являясь противниками расширения королевской прерогативы, что порождало их трения с Вильгельмом III. В свою очередь, умеренные тори не шли в строгую оппозицию, искали благорасположения при дворе и были склонны идти на компромиссы с правительством [16, р. 572–573]. Однако наличие столь пестрой картины не должно смущать историков: большинство современников Вильгельма Оранского отождествляли вигов с правящей верхушкой, а тори с устойчивой полуякобитской оппозицией. Не привыкшим еще к партийному разделению современникам такое положение откровенно не нравилось, а существование двух противоборствующих протестантских партий, не являвшихся противостоянием протестантов и

католиков, а скорее разных принципов, являлось настоящим несчастьем [17, р. 9].

Эти различия дали о себе знать фактически сразу после революционной смены короля и проявились в вопросе принесения клятв верности новым монархам. Для считавших Славную революцию законной вигов проблема легитимизации Вильгельма Оранского отсутствовала, однако тори увидели в признании Вильгельма «законным» монархом (как требовала традиционная присяга) одобрение насильственной смены короля. Это не означало, что тори не хотели быть лояльными к новому правителю: они желали сделать это так, чтобы не признать его полной юридической легитимности. Для этого ими были проведены различия между королем де-факто и королем де-юре. Тори утверждали, что, хотя Яков по-прежнему был королем де-юре, лояльность подданных должна быть обращена на того суверена, который осуществлял королевскую власть фактически. Этот аргумент вместе с изменением текста присяги позволил многим из них начать сотрудничать с Вильгельмом. Но для вигов те подданные, кто поддерживал короля только на этих основаниях, были едва ли лояльны [15, р. 93].

Оценивая отношение тори к новому монарху, важно подчеркнуть, что оно исходило не из практических соображений, а из их давних идеологем, отказаться от которых было невозможно под угрозой потери собственной политической идентичности, основанной на концепциях единства церкви и государства. Исторически тори разделяли учение о божественном праве, то есть верили, что власть монарха исходит напрямую и исключительно от Бога, что в соответствии с учением о наследственной монархии означало отказ признать ее принятие от парламента и участие народа в «выборе» суверена. Еще одним важным постулатом тори являлась доктрина непротивления или пассивного послушания, по которой, если власть монарха была унаследована от Бога, народ должен был подчиняться ему при любых обстоятельствах. В совокупности следование этим идейным принципам по сути означало, что тори отвергли Славную революцию и последующее престолонаследие как незаконные. Отсюда высокие церковные тори были, почти по определению, сторонниками якобитов, надеясь и, возможно, даже замышляя возвращение Якова II и династии Стюарта на престол [18, р. 62]. С другой стороны, тори являлись той общественной группой, которая среди прочих по религиозным причинам поддержала смену королевской власти в 1688 г. Отсюда следует, что, если контрреволюционность якобитов была вызвана принципиальным нежеланием признавать нового суверена, контрреволюционность тори стала следствием скорее непринятия методологии революции, что оставляло для них возможности сотрудничества с новым режимом, пусть и с оговорками.

В итоге для успокоения совести тори в отношении Славной революции они приняли эту смену власти как божественный шаг, что позволило не противоречить своим доктринам о пассивном повиновении

и непротивлению [19, р. 120]. Большинство тори оказались готовы принять Вильгельма как короля де-факто. Такие политики, как Ноттингем, Дэнби, Рочестер и Сеймур, которые возражали против возложения короны на Вильгельма, были готовы принять его при условии, что их не понуждали сделать это де-юре. Только единицы, такие как Кларендон, отказались признать Вильгельма в принципе [20, р. 219]. Такое соглашательство вызвало отторжение вигов, сожалеющих, что новый король доверяет в политике тори, которые сочувствовали папизму и следовали собственным, а не общественным интересам [21, р. 82–83].

В своих доктринах тори опирались на могущественного союзника в лице Англиканской церкви, которая, однако, сама страдала от внутреннего раскола. После 1689 г. церковникам в противовес их доктринам пришлось давать клятвы верности новым революционным монархам. Не все из них согласились с этим, и отказники (7 епископов и 400 священников) оформили движение «неприсягнувших». При этом многие из принявших присягу тайно продолжали им сочувствовать. Эта схизма отражала более фундаментальное и глубокое разделение внутри церкви, в которой одна из групп, выражавшая мнение большинства церковников (хайфлайеры, или сторонники высокой церкви) желала авторитарной церкви и оставалась враждебной диссентерам, а другая – сторонники низкой церкви – имела более умеренные взгляды [22, р. 65]. И если тори однозначно солидаризовались с высокой церковью, их вигские оппоненты искали поддержку в ее противоположном крыле.

Идеологические расхождения касались и более приземленных материй, например, торговых и финансово-экономических стратегий развития страны. Так согласно торийским экономистам, основа благосостояния нации состояла в перепродаже товаров на далеких рынках, поэтому главным конкурентом тори считали Нидерланды, а не Францию, не являвшуюся торговой нацией. Другую основу процветания тори видели в трудовых ресурсах, полагая, что общее количество благ отнюдь не конечно [23, р. 104–105]. При этом тори стали защитниками земельного интереса, поставленного под угрозу из-за вигских финансовых инноваций революции (таких как появление системы национального долга, обслуживавшего его Банка Англии, расширения функций казначейства и финансовых операций на рынках) [1, р. 127]. Поэтому важно учитывать партийный фактор при объяснении успехов английской финансовой революции: лишь установление контроля вигов за правительством способствовало успешному развитию новых финансовых институтов, в то время как тори были изначально не заинтересованы в новых финансовых схемах [24, р. 124, 126].

В правление Анны межфракционные отношения заметно изменились. Хотя нельзя однозначно утверждать о перевесе какой-либо партии, тори явно пользовались симпатией монарха, разделявшего их приверженность высоким церковным принци-

пам. Отстаивание своих позиций сопровождалось резко обострившейся партийной борьбой, которая дала название эпохе – периоду «ярости партий». Но нельзя забывать, что два лидера вигов в правление Анны – Годолфин и Мальборо – считались тори при Вильгельме III. Такие трансформации партийной приверженности были обычным делом в то время, что затрудняет характеристику партийной институционализации [25, р. 13]. Другой важной чертой партийной системы начала XVIII в. был негативный настрой участников фракционных группировок к лидерству в партиях. Хотя с одной стороны, они нуждались в руководстве для успешной политической деятельности, с другой, индивидуальное лидерство было сложно принять. У тори в этом отношении были наиболее серьезные проблемы, ибо исторически они полагались на направление своей деятельности со стороны короля. После того как Яков II и Вильгельм Оранский от них отвернулись, тори было сложно преодолеть свои прошлые взгляды [26, р. 101–102].

К концу первого десятилетия XVIII в. партийная борьба вылилась в полномасштабную «войну памяти» о принципах Славной революции. Не имея возможности открыто противостоять революционным изменениям, тори как главная оппозиционная сила использовали память о революции, чтобы продемонстрировать свои политические доктрины – непротивления и пассивного послушания. Полемика этой войны стала разными годовщинами и иными символическими событиями, через которые можно было сформировать воспоминания в соответствии со своими политическими доктринами [27, р. 72]. Главную битву в этой войне тори выиграли по итогам процесса над преподобным доктором Генри Сачевереллом в 1709–1710 гг., осужденным за его скандальную проповедь в соборе святого Павла в Лондоне. Речь доктора отразила англиканские и торийские идеи о непротивлении власти, пассивном послушании, божественном праве королей, фактически ставя под сомнение официальную интерпретацию Славной революции. Учитывая резонанс от события, вигское министерство решило по суду отстранить Сачеверелла за «тяжкие преступления и проступки», воспользовавшись процессом как форумом для пропаганды вигского видения Славной революции [28, р. 31]. Но так же, как и с речью, важным оказался не сам процесс, а общественная реакция на него, показавшая популярность тори в народе, участвовавшего в массовых беспорядках, получивших название «мятежей Сачеверелла». Тогда виги оказались неприятно удивлены тем, что тот народ, чьи интересы они защищали в теории, на практике полностью отвернулся от них в пользу набравших популярность тори [29, р. 340].

Материализацией успеха тори стала их громкая победа на всеобщих выборах в парламент в 1710 г., в которых они триумфально победили, оседлав свой любимый лозунг «церковь в опасности». Виги просчитались, полагая, что поддержка их диссентерами компенсирует враждебность церкви. На этих выборах диссентеры часто голосовали за тори, опасаясь прежде всего победы более нетерпимых высоких

церковников [30, р. 84–85]. В ходе избирательной кампании виги продемонстрировали тот недостаток, что не оказались, как тори, способны апеллировать к чувствам людей. Только в одном виги опирались на патриотические настроения населения – в вопросе продолжения войны, но и эта тема уже была непопулярна в обществе [31, р. 221]. Продолжавшиеся расходы на участие в войне за испанское наследство раздражали как Анну, так и тори, которые ненавидели налоги и считали, что финансирование поддерживаемой вигами войны было связано с поддержкой диссентеров. Многие высокие церковные тори опасались, что такая политика будет означать поощрение более радикальных ересей, таких как деизм [32, р. 109]. В этом плане настроения общества и торийской фракции совпали.

Однако не стоит переоценивать успех тори. Хотя суд над Сачевереллом прозвучал смертным приговором для правительства вигов, процесс также продемонстрировал идейную непоследовательность воинствующей высокой церковной позиции. Несмотря на то что Сачеверелл провозгласил верность королеве Анне, все его догмы намекали на скрытое одобрение якобитизма [33, р. 80]. В свою очередь, процесс мобилизовал вигов на защиту исполнения решений Акта об Устроении 1701 г., переводя партийное противостояние в плоскость престолонаследия. Вигские памфлеты ставили знак равенства между папистами, якобитами и торийскими сторонниками лозунга «Церковь в опасности», намекая на выгоду от дела Сачеверелла для якобитской клики за рубежом, в то время как в действительности, по их мнению, отношения с церковью у английского государства были нормальными [34]. В вопросе престолонаследия явно проявилась межфракционная борьба. Так Мальборо и его вигские лондонские союзники аргументировали, что только разрушение торийского министерства может утвердить престолонаследие, в то время как курфюрст был убежден, что трон будет в безопасности, если публично не порывать с тори [35, р. 602].

Наивысшая контрреволюционность тори проявилась на завершающем этапе правления Анны во время переговоров об условиях окончания войны за испанское наследство, например, в вопросе послевоенного нахождения Претендента: в то время как виги стремились отправить его подальше от Англии и Франции, тори во главе с Болингброком и Оксфордом не придавали этому значения, удовлетворившись переездом Претендента в Лотарингию [36, р. 296]. В историографии также прочно утвердилось мнение об откровенно якобитских интригах торийского министерства, чьи участники во время болезни королевы Анны в 1714 г. рассматривали дело Претендента серьезно, и только его непоколебимый отказ сменить вероисповедание стал причиной неудачи. Болингброк осознавал, что Англия никогда не примет католического суверена. И хотя министр предвидел непопулярность будущей политики королей Ганноверской династии, он не смог разрешить давнюю проблему торизма: как примирить две лояльности – Англиканской церкви и престолонаследию [37,

р. 448, 455]. Из-за этого якобитизм тори, а значит и их контрреволюционность были в большей степени показными. Якобитизм по сути никогда не доминировал среди интересов их группы, однако он сыграл важную роль в ее консолидации, легитимизировав саму идею оппозиции, пока все еще неприменимую как общепризнанная партийная стратегия. Такое положение было более благоприятно для якобитов, нежели для интересов тори [38, р. 310], за которыми утвердился ложный образ верных сторонников свергнутых Стюартов и противников протестантского престолонаследия, хотя подобные проявления, если они и были, являлись не более чем частью политической борьбы, а не отражением системы ценностей тори. Поэтому беспристрастные наблюдатели, вроде барона Штейнгенса, отмечали, что «Каждый настоящий англичанин, к какой бы партии он не принадлежал, убежден в этой необходимости [протестантского престолонаследия] для сохранения национальной свободы и процветания...», считая единственным препятствием на этом пути внешние силы в лице Франции [39, р. 486–489].

В 1714 г. ведущие тори, включая Оксфорда и Болингброка, отставили мысль о реставрации Стюартов, публично признав Ганноверскую династию, и даже торийские лейтенантства Лондона организовали патрулирование с целью не допустить массовых беспорядков. Лондонцы, чей город считался твердыней торизма, продемонстрировали лояльность переходу трона, хотя партийные разногласия сохранялись. В выборном 1715 г. это привело к новым выступлениям жителей столицы с лозунгами в пользу высокой церкви и против вигов [40, р. 70–72]. Тогда, надеясь на победу в округах, тори провозгласили избирательную войну вигам, полагаясь на свой старый лозунг «Церковь в опасности» и подойдя к началу предвыборной кампании единими как никогда. Однако из-за действий нового короля Георга I, поставившего на вигов и проведшего кадровую чистку в государственных учреждениях, тори были биты в округах с существенным влиянием короны. По сути, в ответ на мнимую торийскую контрреволюцию была совершена вигская революция [41, р. 507–508]. Поражению тори способствовали и меры административного давления, направленные на подавление оппозиционной печати. От смерти Анны и до конца 1716 г. из 23 периодических изданий в столице по меньшей мере 16 подверглись проверке со стороны правительства, притом многие неоднократно, в то время как 35 отличавшихся лояльностью изданий печатались без ограничений. Нетерпимость властей проявлялась и к оппозиционным памфлетам [42, р. 884].

В результате ганноверского престолонаследия можно констатировать, что тори не реализовали свой контрреволюционный потенциал, допустив по-настоящему триумфальную победу вигов и их интерпретации Славной революции, закрепившейся не только в XVIII, но и XIX столетии в период господства вигской историографии. Можно выделить несколько причин этого поражения. Главная, вероятно, заклю-

чалась в переоценке со стороны тори их главных союзников – англиканского духовенства, которое не было таким консервативным, как полагали, так как церковь хайфлаеров тори была также и церковью латитудинарских вигов. Наиболее значимые реакционные клирики, вроде Сачеверелла, после воцарения Ганноверской династии остались не у дел, в то время как виги выиграли битву за церковь [43, р. 167–168]. Если в 1710 г. религия находилась в центре британской политической системы, что продемонстрировали выборы 1710 г. и мобилизующая мощь торийского лозунга «Церковь в опасности», то уже к выборам 1730-х гг. оппозиция вдохновляла голосующих совершенно иными вопросами, а религия более не определяла партийную приверженность [44, р. 43–44].

Поменялись и сами тори, которые постепенно стали заменять свою доктрину божественного права королей на моральный и религиозный долг подчиняться властям, то есть подчиняться власти законодательного органа, что можно считать новым вариантом доктрины непротivления [12, р. 195]. Эволюция тори совпала с медленным переходом от абсолютизма Якова II к доминированию вигской олигархии. Этот период не был достаточно долгим, чтобы стать эволюционным и типично английским, но и не был достаточно коротким, чтобы стать революционным в континентальном понимании этого термина [45, р. 208]. В трансформации партийной системы важно учесть, что в 1714–1757 гг. на самом деле английская политическая система была скорее трехпартийной, в которой кроме традиционных вигов и тори существовали еще оппозиционные виги,

боровавшиеся за власть со своими более удачливыми сотоварищами [46, р. 303], но эта борьба происходила уже в рамках вигской интерпретации Славной революции.

Таким образом, подводя итоги статьи, необходимо отметить, что для тори, равно как и всей партийной системы Англии, Славная революция стала по-настоящему рубежным этапом. Позиционируя себя до событий 1688–1689 гг. как защитников королевской прерогативы, а также прав Церкви Англии, в постреволюционное время тори столкнулись с проблемой расхождения их теоретических постулатов и революционной реальности. В то время как виги приняли Славную революцию, тори не смогли согласиться с методологией смены королевской власти, оставшись верными своим традиционным идеям божественного права королей и непротivления власти, в чем их поддержали представители высокой церкви. С одной стороны, это обеспечило известную контрреволюционность тори, проявившуюся в непринятии Вильгельма как короля де-юре, поддержки Генри Сачеверелла, защите высокой церкви и якобитских интригах конца правления Анны. С другой, тори так никогда и не стали открытыми якобитами, оставшись в той политической системе, которая сложилась в результате Славной революции. Поэтому, несмотря на давление вигов, тори не исчезли с политической арены как якобиты, а столкнулись лишь с необходимостью пересмотра тактики использования религиозной темы в политике, что позволяет считать контрреволюционность тори лишь вынужденным элементом их политической борьбы в постреволюционной реальности.

Литература и источники

1. Borus G. Political Parties in the Years before and After the Glorious Revolution // *Hungarian Journal of English and American Studies*. 2007. Vol. 13. № 1/2. The Long Eighteenth Century. P. 121–130.
2. Knights M. *Representation and Misrepresentation in Later Stuart Britain: Partisanship and Political Culture*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 431 p.
3. Morgan W.T. *English Political Parties and Leaders in the Reign of Queen Anne: 1702–1710*. New Haven; London: Yale University Press; Humphrey Milford; Oxford University Press, 1920. 427 p.
4. Клочков В.В. Партии в политической системе Великобритании в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 102–106.
5. Rudolph J. *Revolution by Degrees: James Tyrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 231 p.
6. Harris T. Party Turns? Or, Whigs and Tories Get Off Scott Free // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1993. Vol. 25. № 4. P. 581–590.
7. Asch R.G. *Sacral Kingship between Disenchantment and Re-enchantment. The French and English Monarchies 1587–1688*. New York; Oxford: Berghahn, 2014. 278 p.
8. Jones J.R. *The Revolution of 1688 in England*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. 345 p.
9. Harrison G. Prerogative revolution and glorious revolution: Political proscription and parliamentary undertaking, 1687–1688 // *Parliaments, Estates and Representation*. 1990. Vol. 10. № 1. P. 29–43.
10. Jones J.R. James II's Whig Collaborators // *The Historical Journal*. 1960. Vol. 3. № 1. P. 65–73.
11. Камнев С.Н. Политические воззрения Эдуарда Гиббона (1737–1794) // *Вестник Омского университета*. 2007. № 3. С. 78–86.
12. Dickinson H.T. The Eighteenth-Century Debate on the Sovereignty of Parliament // *Transactions of the Royal Historical Society. Fifth Series*. 1976. Vol. 26. P. 189–210.
13. Sharpe K. *Rebranding Rule: The Restoration and Revolution Monarchy, 1660–1714*. New-Haven; London: Yale University Press, 2013. 849 p.
14. Weil R. *Plague of Informers: Conspiracy and Political Trust in William III's England*. New Haven; London: Yale University Press, 2013. 344 p.
15. Claydon T. *William III*. London; New York: Routledge, 2014. 202 p.
16. Roberts C. Privy Council Schemes and Ministerial Responsibility in Later Stuart England // *The American Historical Review*. 1959. Vol. 64. № 3. P. 564–582.

17. Plain English: Or, An Enquiry Into the Causes that Have Frustrated Our Expectations from the Late Happy Revolution, and Obstructed the Progress of Our Affairs: Co[n]sider'd in Relation to the Present Conspiracy and what Advantages Have by the Foresaid Means Been Given to the Enemies of the Government. London: Richard Baldwin, 1691. 26 p.
18. Vickers J.E. Wesley: A Guide for the Perplexed. London; New York: T&T Clark International, 2009. 133 p.
19. Szechi D. A Non-Resisting, Passively Obedient Revolution: Lord North and Grey and the Tory Response to the Sacheverell Impeachment // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Iss. 1. P. 118–127.
20. Troost W. William III, the Stadholder-King. A Political Biography. / Translated by J.C. Grayson. London; New York: Routledge, 2005. 361 p.
21. The Interest of Whigg and Tory. A Letter to a Friend // *The Works of the Right Honourable Henry late L. Delamer, and Earl of Warrington: Containing His Lordships Advice to His Children, Several Speeches in Parliament, &c. With many other Occasional Discourses on the Affairs of the Two Last Reigns: Being Original Manuscripts Written with His Lordships own Hand*. London: John Lawrence – John Dunton, 1694. P. 82–87.
22. Meza P.T. The Question of Authority in the Church of England, 1689 to 1717 // *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*. 1973. Vol. 42. № 1. P. 63–86.
23. Pincus S. Addison's Empire: Whig Conceptions of Empire in the Early 18th Century // *Parliamentary History*. 2012. Vol. 31. Iss. 1. P. 99–117.
24. Stasavage D. Partisan politics and public debt: The importance of the 'Whig Supremacy' for Britain's financial revolution // *European Review of Economic History*. 2007. Vol. 11. № 1. P. 123–153.
25. Turberville A.S. The House of Lords in the Reign of William III. Oxford: Clarendon Press, 1913. 264 p.
26. Holmes G. Tom Wharton and the Whig Junto: Party Leadership in Late Stuart England // *Parliamentary History*. 2009. Vol. 28. Iss. 1. P. 100–114.
27. Niggemann U. 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your ... Glorious Deliverance'. The 'Memory War' about the 'Glorious Revolution' // *Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe*. Ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann and others. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 63–75.
28. Lucaites J.L. Constitutional Argument in a National Theater: The Impeachment Trial of Dr. Henry Sacheverell // *Popular Trials: Rhetoric, Mass Media, and the Law* / ed. by Robert Hariman. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993. P. 31–54.
29. Horsley L. "Vox Populi" in the Political Literature of 1710 // *Huntington Library Quarterly*. 1975. Vol. 38. № 4. P. 335–353.
30. Ransome M. Church and Dissent in the Election of 1710 // *The English Historical Review*. 1941. Vol. 56. № 221. P. 76–89.
31. Ransome M. The Press in the General Election of 1710 // *The Cambridge Historical Journal*. 1939. Vol. 6. № 2. P. 209–221.
32. Wigelsworth J.R. Deism in Enlightenment England: Theology, Politics, and Newtonian Public Science. Manchester: Manchester University Press, 2009. 238 p.
33. Gibson W. The Church of England 1688–1832: Unity and Accord. London; New York: Routledge, 2001. 269 p.
34. The Jacobite Plot: Or, the Church of England in No Danger. To which is Annex'd Captain Tom's New Declaration to All the Gentlemen of the Broomstick and Mopstaff Regiments. Also a Short Way with St. Paul and Sacheverell. 1710. 16 p.
35. Gregg E. Marlborough in Exile, 1712–1714 // *The Historical Journal*. 1972. Vol. 15. № 4. P. 593–618.
36. Fieldhouse H.N. Oxford, Bolingbroke, and the Pretender's Place of Residence, 1711–14 // *The English Historical Review*. 1937. Vol. 52. № 206. P. 289–296.
37. Fieldhouse H.N. Bolingbroke's Share in the Jacobite Intrigue of 1710–14 // *The English Historical Review*. 1937. Vol. 52. № 207. P. 443–459.
38. Monod P. Jacobitism and Country Principles in the Reign of William III // *The Historical Journal*. 1987. Vol. 30. № 2. P. 289–310.
39. State Papers and Correspondence Illustrative of the Social and Political State of Europe. From the Revolution to the Accession of the House of Hanover / ed. with Historical Introduction, Biographical Memoirs, and Notes by John M. Kemble. London: John W. Parker and Son, 1857. 559 p.
40. Rogers N. Popular Protest in Early Hanoverian London // *Past & Present*. 1978. № 79. P. 70–100.
41. Speck W.A. The General Election of 1715 // *The English Historical Review*. 1975. Vol. 90. № 356. P. 507–522.
42. Hyland P.B.J. Liberty and Libel: Government and the Press during the Succession Crisis in Britain, 1712–1716 // *The English Historical Review*. 1986. Vol. 101. № 401. P. 863–888.
43. Watson W.C. Rethinking the Late Stuart Church: The Extent of Liberal Anglicanism, 1688–1715 // *Anglican and Episcopal History*. 2001. Vol. 70. № 2. P. 143–168.
44. Dudley C. The Decline of Religion in British Politics, 1710–1734 // *Britain & the World. British Scholar*. 2010. Vol. 3. Iss. 1. P. 43–60.
45. Rubini D.A. Party and the Augustan Constitution, 1694–1716: Politics and the Power of the Executive // *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*. 1978. Vol. 10. № 3. P. 193–208.
46. Clark J.C.D. A General Theory of Party, Opposition and Government, 1688–1832 // *The Historical Journal*. 1980. Vol. 23. № 2. P. 295–325.

References

1. Borus G. Political Parties in the Years before and After the Glorious Revolution. In: *Hungarian Journal of English and American Studies*, 2007, vol. 13, no. 1/2, The Long Eighteenth Century, pp. 121–130.
2. Knights M. Representation and Misrepresentation in Later Stuart Britain: Partisanship and Political Culture. Oxford: Oxford University Press, 2006. 431 p.
3. Morgan W.T. English Political Parties and Leaders in the Reign of Queen Anne: 1702–1710. New Haven – London: Yale University Press – Humphrey Milford: Oxford University Press, 1920. 427 p.
4. Klochkov V.V. Partii v politicheskoy sisteme Velikobritanii v XVIII v. [Parties in political system of Great Britain in the XVIIIth century]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2012, no. 9 (23), part I, pp. 102–106.
5. Rudolph J. Revolution by Degrees: James Tyrell and Whig Political Thought in the Late Seventeenth Century. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 231 p.
6. Harris T. Party Turns? Or, Whigs and Tories Get Off Scott Free. In: *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*, 1993, vol. 25, no. 4, pp. 581–590.
7. Asch R.G. Sacral Kingship between Disenchantment and Re-enchantment. The French and English Monarchies 1587–1688. New York – Oxford: Berghahn, 2014. 278 p.
8. Jones J.R. The Revolution of 1688 in England. London: Weidenfeld and Nicolson, 1972. 345 p.

9. Harrison G. Prerogative revolution and glorious revolution: Political proscription and parliamentary undertaking, 1687–1688. In: *Parliaments, Estates and Representation*, 1990, vol. 10, no. 1, pp. 29–43.
10. Jones J.R. James II's Whig Collaborators. In: *The Historical Journal*, 1960, vol. 3, no. 1, pp. 65–73.
11. Kamnev S.N. Politicheskie vozzreniya Eduarda Gibbona (1737–1794) [Political views of Edward Gibbon (1737–1794)]. *Vestnik Omskogo universiteta [Herald of Omsk University]*, 2007, no. 3, pp. 78–86.
12. Dickinson H.T. The Eighteenth-Century Debate on the Sovereignty of Parliament. In: *Transactions of the Royal Historical Society. Fifth Series*, 1976, vol. 26, pp. 189–210.
13. Sharpe K. *Rebranding Rule: The Restoration and Revolution Monarchy, 1660–1714*. New-Haven – London: Yale University Press, 2013. 849 p.
14. Weil R. *Plague of Informers: Conspiracy and Political Trust in William III's England*. New Haven – London: Yale University Press, 2013. 344 p.
15. Claydon T. *William III*. London – New York: Routledge, 2014. 202 p.
16. Roberts C. Privy Council Schemes and Ministerial Responsibility in Later Stuart England. In: *The American Historical Review*, 1959, vol. 64, no. 3, pp. 564–582.
17. Plain English: Or, An Enquiry Into the Causes that Have Frustrated Our Expectations from the Late Happy Revolution, and Obstructed the Progress of Our Affairs: Co[n]sider'd in Relation to the Present Conspiracy and what Advantages Have by the Foresaid Means Been Given to the Enemies of the Government. London: Richard Baldwin, 1691. 26 p.
18. Vickers J.E. *Wesley: A Guide for the Perplexed*. London – New York: T&T Clark International, 2009. 133 p.
19. Szechi D. A Non-Resisting, Passively Obedient Revolution: Lord North and Grey and the Tory Response to the Sacheverell Impeachment. In: *Parliamentary History*, 2012, vol. 31, iss. 1, pp. 118–127.
20. Troost W. *William III, the Stadholder-King. A Political Biography*. Translated by J.C. Grayson. London – New York: Routledge, 2005. 361 p.
21. The Interest of Whigg and Tory. A Letter to a Friend. In: *The Works of the Right Honourable Henry late L. Delamer, and Earl of Warrington: Containing His Lordships Advice to His Children, Several Speeches in Parliament, &c. With many other Occasional Discourses on the Affairs of the Two Last Reigns: Being Original Manuscripts Written with His Lordships own Hand*. London: John Lawrence – John Dunton, 1694, pp. 82–87.
22. Meza P.T. The Question of Authority in the Church of England, 1689 to 1717. In: *Historical Magazine of the Protestant Episcopal Church*, 1973, vol. 42, no. 1, pp. 63–86.
23. Pincus S. Addison's Empire: Whig Conceptions of Empire in the Early 18th Century. In: *Parliamentary History*, 2012, vol. 31, iss. 1, pp. 99–117.
24. Stasavage D. Partisan politics and public debt: The importance of the 'Whig Supremacy' for Britain's financial revolution. In: *European Review of Economic History*, 2007, vol. 11, no. 1, pp. 123–153.
25. Turberville A.S. *The House of Lords in the Reign of William III*. Oxford: Clarendon Press, 1913. 264 p.
26. Holmes G. Tom Wharton and the Whig Junto: Party Leadership in Late Stuart England. In: *Parliamentary History*, 2009, vol. 28, iss. 1, pp. 100–114.
27. Niggemann U. 'You Will See Who They Are that Revile, and Lessen Your ... Glorious Deliverance'. The 'Memory War' about the 'Glorious Revolution'. In: *Memory before Modernity: Practices of Memory in Early Modern Europe*. Ed. by E. Kuijpers, J. Pollmann and others. Leiden – Boston: Brill, 2013, pp. 63–75.
28. Lucaites J.L. Constitutional Argument in a National Theater: The Impeachment Trial of Dr. Henry Sacheverell. In: *Popular Trials: Rhetoric, Mass Media, and the Law*. Ed. by Robert Hariman. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1993, pp. 31–54.
29. Horsley L. "Vox Populi" in the Political Literature of 1710. In: *Huntington Library Quarterly*, 1975, vol. 38, no. 4, pp. 335–353.
30. Ransome M. Church and Dissent in the Election of 1710. In: *The English Historical Review*, 1941, vol. 56, no. 221, pp. 76–89.
31. Ransome M. The Press in the General Election of 1710. In: *The Cambridge Historical Journal*, 1939, vol. 6, no. 2, pp. 209–221.
32. Wigelsworth J.R. *Deism in Enlightenment England: Theology, Politics, and Newtonian Public Science*. Manchester: Manchester University Press, 2009. 238 p.
33. Gibson W. *The Church of England 1688–1832: Unity and Accord*. London – New York: Routledge, 2001. 269 p.
34. *The Jacobite Plot: Or, the Church of England in No Danger. To which is Annex'd Captain Tom's New Declaration to All the Gentlemen of the Broomstick and Mopstaff Regiments. Also a Short Way with St. Paul and Sacheverell*. 1710. 16 p.
35. Gregg E. Marlborough in Exile, 1712–1714. In: *The Historical Journal*, 1972, vol. 15, no. 4, pp. 593–618.
36. Fieldhouse H.N. Oxford, Bolingbroke, and the Pretender's Place of Residence, 1711–14. In: *The English Historical Review*, 1937, vol. 52, no. 206, pp. 289–296.
37. Fieldhouse H.N. Bolingbroke's Share in the Jacobite Intrigue of 1710–14. In: *The English Historical Review*, 1937, vol. 52, no. 207, pp. 443–459.
38. Monod P. Jacobitism and Country Principles in the Reign of William III. In: *The Historical Journal*, 1987, vol. 30, no. 2, pp. 289–310.
39. *State Papers and Correspondence Illustrative of the Social and Political State of Europe. From the Revolution to the Accession of the House of Hanover*. Ed. with Historical Introduction, Biographical Memoirs, and Notes by John M. Kemble. London: John W. Parker and Son, 1857. 559 p.
40. Rogers N. Popular Protest in Early Hanoverian London. In: *Past & Present*, 1978, no. 79, pp. 70–100.
41. Speck W.A. The General Election of 1715. In: *The English Historical Review*, 1975, vol. 90, no. 356, pp. 507–522.
42. Hyland P.B.J. Liberty and Libel: Government and the Press during the Succession Crisis in Britain, 1712–1716. In: *The English Historical Review*, 1986, vol. 101, no. 401, pp. 863–888.
43. Watson W.C. Rethinking the Late Stuart Church: The Extent of Liberal Anglicanism, 1688–1715. In: *Anglican and Episcopal History*, 2001, vol. 70, no. 2, pp. 143–168.
44. Dudley C. The Decline of Religion in British Politics, 1710–1734. In: *Britain & the World. British Scholar*, 2010, vol. 3, iss. 1, pp. 43–60.
45. Rubini D.A. Party and the Augustan Constitution, 1694–1716: Politics and the Power of the Executive. In: *Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies*, 1978, vol. 10, no. 3, pp. 193–208.
46. Clark J.C.D. A General Theory of Party, Opposition and Government, 1688–1832. In: *The Historical Journal*, 1980, vol. 23, no. 2, pp. 295–325.

Justified boundaries of "General history", geographically covering the "spiritual Europe" (the Husserl's term), and chronological period from the turn of VII-VI centuries BC to the mid XX century. Respectively the project of extensive expansion of "General history" to "Universal world"/"Global" history by overcoming Eurocentrism has been questioned. However, their progressive take on interior design clashed with reality. The system trumped common sense, with the result that the best entries in the first national competition for furniture designers remained little more than good intentions. HSE University Art and Design School instructor Artyom Dezhurko studied the history of the competition. 15 July 2021. Online Platforms Force Russian Freelancers to Work Nights And Weekends. A General History of the Robberies and Murders of the most notorious Pyrates is a 1724 book published in Britain containing biographies of contemporary pirates, which was influential in shaping popular conceptions of pirates. Its author uses the name Captain Charles Johnson, generally considered a pseudonym for one of London's writer-publishers. The prime source for the biographies of many well-known pirates, the book gives an almost mythical status to the more colourful characters, and it is likely... /r/History is a place for discussions about history. Feel free to submit interesting articles, tell us about this cool book you just read, or start a discussion about who everyone's favorite figure of minor French nobility is! /r/History moderator applications. /r/History introduction. Rules. All posts will be reviewed by a human moderator first before they become visible to all subscribers on the subreddit. I'd like to know who you guys think are the greatest generals that have ever lived. I was discussing this with friend and the usual names such Napoleon, Hannibal and Alexander came up. Who else deserves a place on this list?